

«МАНЬЧЖУРСКИЙ ИНЦИДЕНТ» 1931 ГОДА И РЕАКЦИЯ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ США

© 2021

Буранок С.О.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования подходов и оценок китайского кризиса 1931 г. в периодической печати США. Вся сложность восприятия японо-китайской войны была отражена в прессе, пытавшейся сформировать понимание нового процесса, в который была вовлечена Америка. Изучение ежедневных газет и аналитических журналов США показывает, что в период осень 1931 г. формируются два подхода к «китайскому инциденту»: изоляционистский и интернационалистский. В ходе трудного поиска оптимального пути и взгляда на китайский кризис в американской прессе были сформулированы несколько полярных точек зрения. Анализируя американскую прессу под этим углом, важно определить и конкретное содержание каждой из «кризисных» тем, и общий настрой редакторов и журналистов применительно к перспективам японо-китайского конфликта в 1931 г. Осенью 1931 года в периодической печати США еще не сложилась идея «спасения Китая», которая будет популярна в ходе второй японо-китайской войны. Единственной значимой моделью решения «китайской проблемы» журналистам и редакторам виделась негласная и косвенная поддержка японских претензий. Таким образом, изучение отношения американской прессы и позиций наиболее видных журналистов представляет интерес для анализа того, как США после китайского кризиса постепенно осознали место страны в новой системе международных отношений. Кроме того, пресса показывает, как США планировали строить взаимодействия с враждующими государствами на Тихом океане. Статья основана на материалах как демократической, так и республиканской периодической печати США.

Ключевые слова: японо-китайская война; пресса США; международные отношения; Маньчжурия; общественное мнение.

«MANCHURIAN INCIDENT» IN 1931 AND THE PERIODICAL PRESS REACTION IN THE USA

© 2021

Buranok S.O.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the problem of approaches and assessments formation of the Chinese crisis of 1931 in the US press. No research in China's image during the Interbellum would be complete without studying the press of the participating parties. In order to give a detailed analysis of the international relationships in terms of the global transformations from the American point of view, the author draws relevant newspaper articles published after 1931. The materials of the American press of 1931 dedicated to the search for the most efficient optimal strategy of building relations with China and Japan show, among other things, a steady interest of American mass media towards negative and positive experience of Asian policy. All the complexity of the crisis perception was reflected in the press, which tried to form an understanding of the new process in which America was involved. In the course of a difficult search of an optimal way and a view on the crisis, several polar points of view were formulated in the American press. Thus, the study of the attitude of the major American press and the positions of the most prominent journalists is of interest to the analysis of how the USA after the Chinese crisis gradually realized the place of the country in the new system of international relations. In addition, the press shows how the United States planned to develop interaction with the warring states in the Pacific Ocean. The paper is based on the materials of both Democratic and Republican press of the USA.

Keywords: Sino-Japanese war; US press; international relations; Manchuria; public opinion.

После Первой мировой войны политика Японии в Северном Китае вызывает наибольший интерес со стороны США. В американских СМИ (как ежедневных газетах, так и аналитических журналах) в период 1918–1930 гг. публиковались статьи об экономических амбициях Японии в Китае, о слабости китайских военно-политических лидеров, о проблемах советско-японских отношений из-за Китая. До конца 1920-х годов в данных публикациях наблюдались две главные информационные тенденции: с одной стороны – взгляд на Китай через призму старого образа Японии как «янки Востока», наиболее дружелюбной США восточной нации; с другой стороны – представление событий на Дальнем Востоке через политику «открытых дверей», для которой японские действия в Китае были наиболее серьезной угрозой. Объединяло данные тенденции то, что журналисты и редакторы, актуализировавшие их, считали Китай ответственной стороной за любые конфликтные ситуации.

В возможности начала японо-китайского конфликта из-за Маньчжурии писали в США на протяжении всех 1920-х годов, но в период с 1929 г. по первую половину 1931 г. – особенно много и активно. Так, на страницах авторитетного журнала «Pacific Affairs» анализировалась публикации статья Ё. Мацуока «Экономическое взаимодействие Японии и Китая в Маньчжурии» [1, р. 854]. И сама статья японского чиновника, и рецензия на нее сходятся в основных моментах: японские политические амбиции и необходимость расширения экономической базы империи после кризиса 1929 года подталкивают к более активным действиям в Маньчжурии, главным образом в сфере железных дорог и финансов. Кроме того, в «Pacific Affairs» подчеркивалось, что японское влияние на «правительство Маньчжурии» более сильное, чем китайское влияние.

Еще более четко и радикально данные идеи повторяются в ноябрьском выпуске «The Annals of the

American Academy of Political and Social Science», где рассматривались исторические корни японской агрессии на материк за период 1876–1930 гг. [2, р. 238] Автор статьи профессор Колумбийского университета Джон Орчэрд писал, что японская экспансия имеет много форм, от аннексии территории Китая до установления зон особых интересов, но все это приближает войну между Японией и Китаем за Маньчжурию и Монголию. При этом возможный конфликт с СССР в статье явно подразумевался, но никаких комментариев Орчэрд на счет этого не дает.

О войне как одной из ближайших перспектив развития японо-китайских отношений писали в 1929–1930 гг. Дж. Дилей [3, р. 290], П. Клайд [4, р. 834], Р. Фуллер [5, р. 7]. Причем Фуллер очень образно называл Китай, Маньчжурию и Монголию «новыми Балканами», где из-за соперничества Японии, Великобритании и СССР может в любой момент начаться «новая Великая война». В такой ситуации как журналисты, так и эксперты считали, что США могут оставаться верны устаревшим принципам «открытых дверей», но каким-либо способом защищать Китай от претензий других держав – не следует, т.к. в Китае до сих пор нет прочного правительства, часть территорий контролируют военно-политические лидеры, не признающие власть Чан Кайши.

Эти и другие статьи создавали в предвоенные годы в американском обществе достаточно сложный образ Китая, который чрезвычайно ослаблен длительными внутренними конфликтами, а могущественные соседи (Советский Союз и Япония) активно используют данные слабости для достижения собственных политических и экономических целей. Почти все американские журналисты и эксперты считали, что политика «открытых дверей», 21 требование и Вашингтонские соглашения к 1930 году исчерпали свои возможности для решения «китайского вопроса». Основной дискуссионный вопрос в прессе США был в конфигурации будущей войны: японо-китайская, советско-японская или новая мировая война.

Более сложным как для прессы США, так и для чиновников в государственном департаменте был вопрос о нарушении пакта Бриана – Келлога. Алабамское издание «The Tuscaloosa News» 20 сентября 1931 г. писало по этому поводу: «...американцы склонны видеть в ситуации в Маньчжурии больше индивидуальный конфликт, чем столкновение государств. Значит, он не подходит под нормы пакта Бриана – Келлога» [6, р. 1]. Подобная осторожность (даже сверхосторожность) объяснима не только изоляционистскими позициями редакции алабамской газеты, но и общими настроениями американского общества после Первой мировой войны и биржевого краха 1929 года.

Все новости из Маньчжурии и Китая подвергали общество (и самих журналистов) воздействию такой категорией, как «страх»: журналисты и представители экспертного сообщества США постоянно эксплуатировали тему страха, используя и негативный опыт Первой мировой войны, и травмирующие воспоминания недавнего экономического кризиса. Приводя такие исторические примеры, журналисты недвусмысленно давали понять, что проблемы в Китае могут стать проблемами для Америки. А начинать войну из-за далекого Китая (и еще более далекой – в «воображаемой географии» американцев – Маньчжурии) политики США не стремились.

Большое значение в такой ситуации приобрела позиция госсекретаря США Г. Стимсона: в амери-

канской прессе не должно быть критики действий Японии 1931 года и никаких угроз [7, р. 20]. Наиболее авторитетные издания США точно исполнили просьбу. С самых первых сообщений о «маньчжурском инциденте» симпатии были на стороне Японии: «Китайские войска атаковали японские части, и последние были вынуждены защищаться» [8, р. 1]. В последующие дни развития конфликта (21–23 сентября) американская пресса даже советовала Японии начинать контрнаступление.

Подобные мысли озвучены на страницах «Washington Post», «New York Times» [9, р. 2]. Сомнений в вине китайской стороны не было. Большинство американских историков и исследователей причин начала Тихоокеанской войны предпочитают не замечать данной позиции правительства и общества, отмечая в своих трудах, что с 1931 г. агрессивные намерения Японии были очевидны, что за 10 лет до Пёрл-Харбора японо-американские отношения вступили в период конфликта и т.д. – т.е. строят доказательную базу версий о причинах нападения полностью в соответствии с концепцией Рузвельта. Очень ярко такой подход просматривается в работах С. Фицджеральда, С. Хамен, Т. Бриттон, С. Уайта, Д. Борга [10, р. 14].

Исходя из первоначальной реакции на японское вторжение в Маньчжурию, периодическая печать США разделилась на две больших группы. Газеты первой группы доказывали, что никакой войны на Дальнем Востоке нет; конфликты в Маньчжурии – это лишь дела Япония и Китая; роль американской прессы в этих событиях – делать акценты на «дикости» и «отсталости» Китая, неумелом управлении провинциями и территориями, продажности и коррупции. В публикациях данной группы четко видно стремление журналистов не употреблять слово «война», подбирая к нему многочисленные синонимы.

«Youngstown Vindicator» (Огайо) 19 сентября 1931 г. вышла с противоположным общим информационным тенденциям заголовком: «Война в Китае: японцы штурмуют Мукден» [11, р. 1]. В статье на первой полосе сообщается, что сегодня ночью японские войска полностью взяли под контроль столицу Маньчжурии – Мукден, «овладев стенами и арсеналом древнего города. Японское правительство пытается предотвратить объявление войны». Но на 4 странице этого же номера подзаголовки статьи однозначно определяют приоритеты: «Японцы начали войну». Кроме того, редакторская статья содержит много исключительно военных деталей: Япония передислоцирует свои самолеты на север Кореи – ближе к границе с Китаем; на главной военно-морской базе Японии Сасебо замечены активные приготовления; соотношение сил в Маньчжурии – 12000 солдат против 331000 (перевес у китайской стороны). Всё это формировало совершенно иной образ «сражающегося Китая»: не локального конфликта (а в некоторых изданиях – даже не конфликта, а столкновения, при котором «погибло два японца и 12 китайцев»), а полномасштабной войны, где задействованы десятки тысяч солдат, авиация, артиллерия и флот. И что самое важное для газет второй группы – японский премьер-министр и кабинет министров всеми способами стараются скрыть истинные масштабы войны, дезинформируют мировое сообщество и под прикрытием новостей о небольших перестрелках ведут военные приготовления.

В более осторожных тонах рассуждает о начале войны «Pittsburgh Post-Gazette» (Пенсильвания) 19 сентября 1931 г.: «Мукден взят японцами. Столица

Маньчжурии пала после 18-часового сражения. Около 100 японских солдат убито» [12, р. 1]. Кроме того, в относительно небольшой статье сообщается, что маршал Чжан Сюэлян – правитель Маньчжурии – прислал из Пекина депешу, где назвал случившееся «японской провокацией». А агентство «Юнайтед ньюз» предполагает, что падением Мукдена конфликт не закончится, т.к. проведена мобилизация японских сил в Корею. Здесь видно, что редакторы «Pittsburgh Post-Gazette» хотя и используют американские и китайские источники информации, риторика данной статьи очень близка в первой из выделенных нами групп газет, в которых формируется образ локального столкновения, причем на территории, не контролируемой Китаем.

Однако в этом устоявшемся и характерном для 18–19 сентября 1931 г. образе Китая есть в указанной статье некоторые изменения. Во-первых, существенно отличается число погибших – не 10–12 человек, а уже сотни. Это в восприятии американских читателей меняет масштаб «военной провокации». Во-вторых, на достижение этой цели направлено и указание «18-часового боя за столицу». В-третьих, Маньчжурия в статье «Pittsburgh Post-Gazette» выступает как безусловная часть Китая, т.к. Чжан Сюэлян распоряжается из Пекина – следовательно, газета не поддерживает один из главных тезисов японской пропаганды, что «Маньчжурия не Китай».

В целом, позиции американских периодических изданий разделились между данными двумя полярными точками зрения. Первая: «маньчжурский инцидент» – это конфликт Китая и Японии из-за некой (как устойчиво намекали журналисты США) независимой территории «Маньчжурия». США не должны вмешиваться в такие далекие и сугубо локальные дела. Такой взгляд на начало конфликта выражали в основном изоляционистские издания.

Вторая точка зрения, представленная газетами интернационалистской направленности, рассматривала события в Маньчжурии как начало новой (возможно, очень масштабной) войны на Дальнем Востоке: Китай стал жертвой японской агрессии, которая нарушает не только японо-китайские договоры, но и Вашингтонские соглашения. Следовательно, это дает право США и Великобритании, как отмечали издания второй группы, вмешаться и остановить японское наступление.

Изменения, происходящие как в изоляционистских, так и в интернационалистских газетах в связи с началом японо-китайского конфликта доказывает контент-анализ материалов периодической печати США. Так, анализ выпусков «Chicago Tribune», газеты с очень сильными изоляционистскими традициями, показывает, что в непосредственный период перед кризисом (июль и август 1931 г.) Маньчжурия упоминалась 11 и 6 раз в месяц соответственно. Зато в сентябре-октябре происходит резкий рост упоминаний: 36 и 62. Но наивысшего значения интерес к Маньчжурии достигает в ноябре-декабре, когда соответственно 94 и 74 раза название данной территории встречалось на страницах «Chicago Tribune» [13].

Из подобных цифр можно сделать два вывода: во-первых, даже изоляционистские газеты США, с разрастанием масштабов военного конфликта в Китае, переключились с местных новостей на освещение событий на Дальнем Востоке. Во-вторых, частота упоминания именно слова «Маньчжурия» показывает, что «Chicago Tribune» на протяжении всей второй половины 1931 г. продолжала проводить мысль, что Китай и Маньчжурия – это разные государства, сле-

довательно, не имеет смысла принуждать Японию прекратить агрессию, т.к. маньчжурские дела не регулируются Вашингтонскими соглашениями.

Но совершенно иную картину предвоенного развития интереса к Маньчжурии и Японии в США демонстрирует контент анализ аналитических журналов «Pacific Affairs», «The Geographical Journal», «The Annals of the American Academy of Political and Social Science» – 272 упоминания Маньчжурии за 1930 год. Причем темы, которые затрагивают данные «солидные журналы», – это Маньчжурия и конференция в Киото, железные дороги в Северном Китае, японо-китайское соперничество. Выводы историков, политологов, международных обозревателей, которые печатались в данных изданиях, прямо говорят: война между Китаем и Японией – дело ближайшей перспективы. Однако для ежедневных газет подобные заключения оказались невостребованными, и маньчжурский инцидент буквально «разбудил» американское общество и массовую прессу.

Другим любопытным отличием журнальных публикаций предвоенного периода от газетных статей стал иной подход к географическому определению Маньчжурии. Так, в журнале «Geographical Review», в номере за октябрь 1930 года, американский доктор геологии Джордж Кресси, получающий вторую докторскую степень по географии в Университете Кларка, опубликовал подробную статью «Новая карта Китая». В ней вся Маньчжурия безусловно относится к территории Китая, а Мукден не обладает никаким отличительным статусом как «столица Маньчжурии» [14, р. 653]. Те же тезисы ученый приводит и в другом журнале [15, р. 1–9]. Но, как мы видим из материалов прессы сентября 1931 года, вывод исследователя в области политической географии Китая остался незамеченным периодическими изданиями США, для части которых утверждение позиции, что Маньчжурия – не Китай, отвечало как внутренним традициям, так и внешнеполитическим взглядам.

К этому же времени относятся первые попытки (в массовых изданиях) дать более подробную характеристику Маньчжурии: в изображении американских журналистов это территория постоянных конфликтов между Японией, Китаем, Россией и самими китайцами. Наибольшую ценность представляют в ней две железные дороги, которые на страницах газет США приобретают государствообразующую функцию. Политическую нестабильность Маньчжурии подтверждает не только правление диктатора маршала Чжан Сюэляна, но и его слова (от 19 сентября 1931 года), что солдаты в его казармах на момент японского нападения не имели оружия и в принципе не могли сопротивляться агрессору [16, р. 2].

Материалы контент-анализа показывают и другую, достаточно любопытную черту формирования образа «сражающегося Китая» в США 1931 г.: так, в «Chicago Tribune» имя лидер партии Гоминьдан Чан Кайши упоминалось в августе 9 раз, в сентябре 11 раз, в октябре 10 раз. В «Pittsburgh Post-Gazette»: в августе 6 раз, в сентябре 13 раз, в октябре 12 раз. В «The Atlanta Constitution»: в августе 10 раз, в сентябре 9 раз, в октябре 9 раз. В «New York Times»: в августе 19 раз, в сентябре 22 раза, в октябре 27 раз.

Такие динамика и пропорции показывают, что создание персонифицированного образа Китая в изоляционистской и интернационалистской прессе шло совершенно разными путями: «Chicago Tribune», «Pittsburgh Post-Gazette», «The Atlanta Constitution»,

как традиционно изоляционистские газеты, делали образ Китая обезличенным – на 200–250 упоминаний слова «Китай» каждый месяц приходилось, как видно из приведенных данных, 9–13 упоминаний его лидера, что не приводило к складыванию какого-либо четкого образа китайского лидера в данных газетах. А главное – создавало у читателей образ неуправляемого Китая, который все еще находится в состоянии политической нестабильности и его территорию, ресурсы и власть делят между собой различные диктаторы.

Следовательно, очень частое употребление слова «Китай» (в сумме с вышеобозначенной чертой) приводило к фактическому переносу ситуации 1916–1927 гг. в Китае на период 1930–1931 гг.: как страны без лидера, раздробленной в военно-политическом плане, объекта претензий соседних держав, тем самым – косвенно – подтверждая обоснованность японской агрессии.

Интернационалистская пресса (с одним из своих лидеров «New York Times») выбрала иной подход, делая акцент в освещении китайских событий на лидере Поднебесной. Причем нью-йоркское издание явно выделяло Чан Кайши из других китайских лидеров, преподносило его читателям как единственного военно-политического деятеля Китая, способного сохранить единство страны в борьбе как с японцами, так и с внутренними «военными лордами».

Похожая ситуация наблюдается и с другим активным участником конфликта в Маньчжурии – маршалом Чжан Сюэляном, которого американская пресса называла то «бывшим диктатором», то «фактическим хозяином» Маньчжурии. Так, за первый месяц развития конфликта – сентябрь 1931 г. – он упоминался в «Chicago Tribune» 3 раза, т.е. остался даже не на периферии внимания республиканских журналистов Чикаго, а за пределами всякого внимания. Тогда как в «New York Times» за сентябрь 1931 года – 14 упоминаний Чжан Сюэляна.

Такое распределение приоритетов наводит на мысль, что в начальный период формирования образа «сражающегося Китая» (сентябрь 1931 года) американскую периодическую печать в большей степени интересовала сама территория, сами географические объекты «Маньчжурия», «Китай», «Япония», но никак не их политики, а тем более население. Используя терминологию одного из ключевых методологов исторической империологии Э. Саида, можно утверждать, что американские журналисты (изоляционисты в большей степени) оказались проводниками идеологии ориентализма, когда восприятие Востока в общественно-политическом дискурсе США характеризуется такими маркерами, как «отсталость», «дикость», «варварство», «конфликты», а дополняется это активным продвижением через СМИ идей о неспособность Китая или Маньчжурии к самостоятельному управлению, к независимой политике и следованию нормам международного права [17, p. 31].

При этом в периодической печати США даже в 1931 г. сохранялась еще тенденция восприятия Японии как «янки Востока» – единственной силы, способной контролировать и сдерживать хаос остальной Азии [18, p. 18]. И хотя данные особенности восприятия не отражали новых поствашингтонских принципов внешней политики США, они продолжали оказывать достаточно значимое воздействие на американских редакторов, журналистов и их читателей.

Список литературы:

1. Hsu S. Japan and Manchuria // Pacific Affairs. 1930. № 9. P. 854–864.
2. Orchard J.E. Japanese Expansion in China // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. Vol. 152. P. 328–337.
3. Dealey J. The Policy of the United States in the Pacific // The Southwestern Political and Social Science Quarterly. 1929. № 3. P. 290–300.
4. Clyde P.H. The Open Door // Pacific Affairs. 1930. № 9. P. 834–841.
5. Fuller R. Sarajevo in Asia // The North American Review. 1930. № 1. P. 107–112.
6. Japanese Force Defeat Chinese // The Tuscaloosa News. 1931. September 20. P. 1.
7. Stimson H. The Far Eastern crisis: recollections and observations. New York: Harper & Bros., 1936. 293 p.
8. Streit C. League Intervenes for Peace in China // New York Times. 1931. September 19. P. 1.
9. War in China // The Washington Post. 1931. September 21. P. 2.
10. Fitzgerald S. Pearl Harbor: Day of Infamy. Bloomington, 2006. 96 p.
11. Japanese Storm Mukden // Youngstown Vindicator. 1931. September 19. P. 1.
12. Mukden Taken by Japanese // Pittsburgh Post-Gazette. 1931. September 19. P. 2.
13. Chicago Tribune. 1931. July – December.
14. Cressey G.B. The New Map of China // Geographical Review. 1930. № 4. P. 653.
15. Cressey G.B. The geographic regions of China // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. Vol. 152. P. 1–9.
16. Japanese in Mukden // Victoria Advocate. 1931. September 19. P. 2.
17. Said E.W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.
18. Kowner R. Becoming and Honorary Civilized Nation: Remaking Japan's Military Image during the Russo-Japanese War, 1904–1905 // The Historian. 2001. № 1. P. 18–38.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: witch-king-1@mail.ru.</p>	<p>Buranok Sergey Olegovich, doctor of historical sciences, associate professor, professor of World History, Law and Methods of Teaching Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: witch-king-1@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Буранок С.О. «Маньчжурский инцидент» 1931 года и реакция периодической печати США // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 180–183. DOI: 10.17816/snv2021102208.